

УДК: 07.00.09

DOI 10.21661/r-118110

*В.А. Ермаков, А.А. Андросов***ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ «МАСОНСКОГО ЗАГОВОРА» В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.**

Аннотация: в данной статье типологизированы историографические работы по истории масонства, в которых исследуются проблемы формирования «масонского заговора» в России. Показана культурно-историческая специфика развития «масонского заговора» в европейской и российской политике. Структурирована хронология деятельности масонских организаций, направленных на формирование политического заговора против русской православной монархии. Рассмотрена деятельность известных представителей русской культуры и русского государства, состоявших в масонских организациях. Исследована проблема взятия под контроль русской государственной властью масонских лож в России. Показаны различия в деятельности масонских и парамасонских обществ. Проанализирована взаимосвязь масонства с «освободительным движением». В результате автор приходит к выводу, что «масонский заговор» в России представлял собою высшую форму организации антигосударственных сил, который под оболочкой политического либерализма и культурно-просветительской деятельности преследовал цели политического переворота и устранения самодержавия.

Ключевые слова: масонский заговор, политическое масонство, шотландские масоны, иллюминаты, концепция иудео-масонского заговора, московские мартинисты, проект огосударствления масонства, шведская система масонства, парамасонские общества, русская антимасонская публицистика.

*V.A. Ermakov, A.A. Androsov***HISTORICAL STAGES OF «MASONIC CONSPIRACY» FORMATION
IN RUSSIA, SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY –
EARLY XX CENTURIES**

Abstract: *the author typologizes historiographical works on the history of Freemasonry, which studies the problems of version formation of «Masonic conspiracy» in Russia. The article shows the cultural and historical specificity of «Masonic conspiracy» in European and Russian policy, structures chronology of activities of Masonic organizations aimed at the formation of a political conspiracy against the Russian Orthodox monarchy. The author investigates the activities of prominent representatives of Russian culture and the Russian government, the participants of Masonic organizations and issue of taking control of the Russian state authorities Masonic lodges in Russia and also the differences in the activity of Masonic and paramasonskih societies. The relationship of Masonry and the «liberation movement» has been analyzed. As a result, the author concluded that the «Masonic conspiracy» in Russia had been presented as the highest form of organization of anti-government forces, which under the cover of political liberalism and cultural and educational activities pursued the goal of political upheaval and the elimination of autocracy.*

Keywords: *Masonic conspiracy, political Freemasonry, Scottish Masons, Illuminati, the concept of Judeo-Masonic conspiracy, Moscow Martinists, project of Masonry nationalization, Swedish Masonry system, paramasonic society, Anti-Masonic Russian journalism.*

Обращение к исследованию масонской проблематики представляется актуальным как в связи с развитием различных масонских организаций в современной России, так и в связи с углублением и ростом исследований в сфере конспирологии, «теории заговоров», истории «тайных обществ» и спецслужб.

Следует особо подчеркнуть, что в кризисные периоды русской истории масонство в целом выступало как прозападная политическая сила, направленная против национальных интересов России. «Зарубежные спецслужбы, – отмечает О.А. Платонов, – всегда рассматривали масонов как резерв для подбора кадров в борьбе против России» [1, с. 8]. Поэтому изучение истории масонства оказывается актуальным не только в культурно-историческом аспекте, а также и в политическом.

Среди многообразия исследовательских проблем по истории масонства авторы данной работы сосредотачивают свое внимание на проблеме формирования «масонского заговора» в России. Необходимо рассмотреть исторический ракурс основных этапов развития «масонского заговора» и показать специфику формирования данного заговора за исторический период второй половины XVIII – начала XX вв.

Основной целью работы является рассмотрение деятельности известных участников «масонского заговора» и деятельности масонских организаций, а также исследование мер противодействия «масонской угрозе» со стороны русской самодержавной власти.

В работе проводится историческая реконструкция этапов формирования «масонского заговора» на доступных материалах как отечественных, так и западных историков. Наиболее значимые работы в данной области исследования, по нашему мнению, можно разделить на пять групп.

К первой группе историографических источников по масонству следует отнести фундаментальные дореволюционные работы известных представителей национально-консервативного направления русской общественной мысли: Архимандрит Фотий (Спасский), Н.А. Бутми, И.И. Лютостанский, С.П. Мельгунов, С.А. Нилус, А.Ф. Селянинов, Л.А. Тихомиров, А.С. Шмаков [2–9]. Большинство из указанных авторов утверждали о бесспорном наличии и активном развитии «политического заговора масонства» против русской православной монархии на протяжении XVIII, XIX и начала XX веков. Примечательно, что С.П. Мельгунов в работах дореволюционного периода отстаивал версию о признании масонства «филантропической» организацией. Затем в эмиграции С.П. Мельгунов однозначно определял масонство как «заговорщическую» политическую организацию.

Вторая группа – это работы либеральных дореволюционных историков масонства, некоторые из которых продолжили свою исследовательскую деятельность и после «октябрьского переворота» 1917 года: Г.В. Вернадский, Т.О. Со-

коловская, А.В. Семека, П.П. Пекарский, А.Н. Пыпин [10–14]. Версия «политического заговора масонов» против русского самодержавия не нашла однозначного подтверждения в работах указанных авторов.

Третья группа – это русская эмигрантская литература, представленная трудами таких выдающихся русских мыслителей, как: Т.А. Бакунина, Н.Н. Берберова, Б.А. Башилов, Г.В. Бостунич, В.Ф. Иванов, Н.Е. Марков, С.П. Мельгунов, А.И. Череп-Спиридович [15–22]. В русской эмигрантской литературе в основном не только однозначно утверждалось о наличии «политического масонского заговора» в России, но также была осуществлена попытка построения единого фронта публицистической борьбы с масонством.

К четвертой группе историографических источников можно отнести работы некоторых советских историков и работы современных отечественных исследователей масонства: А.Я. Аврех, В.Э. Багдасарян, Ю.К. Бегунов, В.С. Брачев, С.П. Карпачев, В.М. Острецов, О.А. Платонов, В.И. Сахаров, А.И. Серков, О.Ф. Соловьев, В.И. Старцев [23–33].

В целом, можно отметить, что с начала 1990-х гг. и до нашего времени в связи с работами О.А. Платонова, Ю.Ю. Воробьевского, В.М. Острецова, Ю.Г. Бегунова и других авторов, а также ряда статей по масонской тематике в журналах «Молодая гвардия», «Вопросы истории», «Вопросы литературы» как в русской патриотической публицистике, так и в научных работах проблема «масонском заговора» в России постепенно становилась объектом научного и публицистического исследования. Русские мыслители стали развивать тезис, согласно которому: «История масонства в России – это история заговора против России».

Отдельно следует выделить оригинальные сборники работ по идеологической борьбе русских писателей с масонством и сионизмом В. Тертого, в которых представлена панорама наиболее известных сочинений исследователей, обосновавших «теорию масонского заговора» [34–35].

Сегодня активно стали появляться апологетические работы, как представителей современных российских масонских организаций, так и переводные работы западных масонов. Здесь, к примеру, можно назвать работу Е.Л. Кузьмина «Масонство», которая выпущена при поддержке масонской организации «Державное Святилище Устава Мемфис-Мецраима» в России и книгу А. Гизе «Вольные каменщики», вышедшую в русском переводе при поддержке фонда «Лютц-Хюбер» великой ложи Австрии [36–37]. В данных работах проблема «масонского заговора» практически полностью отсутствует, однако присутствует апологетика масонства как духовного движения, на идеологической базе которого сформировались современная европейская демократия и либерализм.

К указанным выше работам можно отнести публицистическую книгу А. Рыбалка и А. Синельникова «Кто правит современным миром, или Мифы о масонстве», где совершена попытка тотального отрицания какого-либо «масонского заговора» в контексте истории вообще [38].

Пятая группа – это работы западных масоноведов, конспирологов и антиконспирологов, в которых затрагивалась, как общая проблематика «мирового масонского заговора», так и некоторые проблемы «масонского заговора» в России. Здесь следует отметить следующих авторов: Иан ван Хельзинг, У. Лакер, Н. Кон, Неста Х. Вебстер, Д. Рид, Й. Рогалла фон Биберштайн, Э. Саттон, П.-А. Тагиефф, Р. Эпперсон [39–47].

Работы западных исследователей отличаются ярко выраженной противоположностью. Одни авторы принципиально отрицают существование «масонского заговора» в России, другие однозначно утверждают о данном «заговоре» как об исторической реальности. Причем, некоторых западных авторов можно рассматривать как «скрытых конспирологов», например Й. Рогалла фон Биберштайна, антимасонские опровержения которого убеждают в их подлинности.

Таким образом, объективный анализ указанных выше трудов представляется весьма затруднительным. Однако остается поле сравнительного исследова-

ния. Исторически же достоверным является то, что появление версии «масонского заговора» в России способствовало появлению версии «масонского заговора» в европейских государствах.

Возникновение версии «масонского заговора» в Европе. Известно, что масонское руководство в ряде европейских стран постоянно отрицало политическую направленность в деятельности масонских организаций и утверждало нравственную, духовно-просветительскую миссию масонства. Однако, вопреки заявлениям масонского руководства об отсутствии в масонстве каких-либо явных или скрытых политических интересов, в деятельности некоторых масонских лож и систем отчётливо проступали политико-заговорщические элементы. Например, «шотландское масонство» создавалось как одна из форм оппозиции утвердившейся в Соединённом Королевстве Ганноверской династии, тогда как классическое английское масонство, оформившееся с начала 1720-х гг., своей негласной целью имело обеспечение общественной поддержки новой королевской династии и содействие дальнейшему гражданскому миру.

Шотландские масоны, вышедшие из подчинения «Великой Ложы Англии», заявляли о своём происхождении непосредственно от «Ордена тамплиеров». Они ссылались на хранимые «посвящёнными» на протяжении многих поколений некие старинные манускрипты, якобы свидетельствующие о том, что после разгрома «Ордена» и осуждения на сожжение за ересь великого магистра Жака де Моле и других «старших братьев» уцелевшие тамплиеры бежали в Шотландию и были приняты на службу шотландским королём Робертом Брюсом. Затем тамплиеры сыграли значительную роль в борьбе за суверенитет Шотландии против притязаний Англии на покорение северного соседа, за что и были надёжно укрыты шотландскими королями от преследований со стороны римско-католической церкви.

Претендующее на своё изначальное «тамплиерство» и на причастность «древним тайнам Востока» масонство «шотландской системы», распространившееся на протяжении последующих десятилетий по другим европейским странам, отличалось большей конспиративностью, усложнённой иерархической

структурой и большим пристрастием к мистической символике и соответствующей фразеологии. В значительной мере ложи «шотландской системы» способствовали нарастанию среди «непосвящённых» подозрений относительно «масонского заговора».

Собственно, версия «масонского заговора» зарождается сразу же с оформлением «классического масонства» и в результате распространения слухов относительно тайных собраний «вольных каменщиков».

Первоначально, именно католическая церковь стала предполагать политические заговоры со стороны масонов. Как отмечает исследователь: «Главы католической церкви от папы Климента XII в 1738 году до Льва XIII в 1902 году охарактеризовали масонство в 17 буллах и энцикликах как богоборческую секту, действующую с целью подрыва религии, уничтожения христианства и разложения государственного и общественного порядка во всем мире: «Эта секта является сатанинской, проповедует учение, повторяющее грехопадение Люцифера... (булла папы Климента XII от 28.04.1738 г.)» [48, с. 43–44].

Таким образом, с появлением в 1738 г. папской буллы, в которой масонство объявлялось ересью и католикам запрещалось вступать в масонские ложи под угрозой отлучения от церкви, начинает усиленно тиражироваться версия о «масонском заговоре» против христианского миропорядка в целом – о масонах как о «растлителях народов» и адептах «чёрной магии», стремящихся приблизить приход Антихриста.

Естественно, что масонские претензии на создание наряду с католической церковью своей «параллельной церкви» вызывали негодование католического духовенства. Тем не менее, в эпоху «просвещённого абсолютизма» в некоторых католических странах благодаря веротерпимости светских правителей возможна была деятельность внецерковных религиозных объединений, поэтому масоны стали активизировать свою «работу».

Как известно, французская революция конца XVIII века в католических и консервативных кругах почти изначально оценивалась как результат «иллюми-

натства». Предположения о всеевропейском «заговоре иллюминатов» распространялись ещё до начала революции – с разоблачением и разгромом в Баварии «Ордена иллюминатов», но поначалу не оказывали значительного влияния на правящую элиту. Для подкрепления предположений о «масонском заговоре» следовало действительно разгореться «всеевропейской смуте» [49].

В 1793 г. в Лондоне вышел памфлет консервативного английского публициста Дж. Робинсона, принадлежавшего к «классическому» английскому масонству: «Доказательства заговора против религии и правительств Европы». В памфлете доказывалось, что континентальное масонство последнего десятилетия сплошь пронизано «иллюминатством» и направлено на «разрушение тронов и алтарей».

Впоследствии «идея заговора» активно развивается в антиреволюционной литературе французской монархической эмиграции и официозной публицистике держав антифранцузских коалиций. Утверждения о «заговоре» звучали впоследствии и в таких более основательных обличениях французской революции, как философски-публицистические сочинения Э. Бёрка, Ж. де-Местра, Р. Шатобриана – ведущих консервативных мыслителей эпохи, сочетавших обличения «иллюминатства» с констатацией общего повреждения нравов во Франции накануне революции и растущей десакрализации европейских монархических режимов в целом.

Следует отметить, что разраставшаяся в странах антифранцузской коалиции антимасонская, или антииллюминатская пропаганда не подрывала прочных позиций консервативного английского и прусского масонства. В католических странах, где гонения на масонов со стороны правящих феодально-клерикальных кругов на рубеже XVIII–XIX вв. усиливаются, масоны постепенно «левеют».

На протяжении XIX века антимасонские обличения – претензии на дальнейшее разоблачение «масонского заговора» против католической церкви и монархических режимов – остаются постоянной темой консервативно-католической

публицистики, откуда в немалой степени перенимались основные идеи «заговора» последующими русскими консервативными публицистами, углублявшимися в масонскую тематику.

Основания для обличения масонства находились, действительно, в общественно-политической жизни Европы XIX века. Масонско-заговорщическими в своей основе были тайные общества итальянских националистов начала XIX в. – карбонариев, на основе которых в 1830-х гг. складывается национально-радикальная партия «Молодая Италия», основанная и возглавляемая Дж. Мадзини. Возникают греческие «этерии», а также левореспубликанские движения «эксальтадос» в Испании и «энтрансежанс» во Франции. Примечательно, что одним из ведущих «этеристов» был российский масон, участник антинаполеоновских войн, бывший адъютант императора Александра I, русский генерал А. Ипсиланти.

Попытки создания в середине и второй половине XIX в. международных организаций леволиберального толка – таких, как «Молодая Европа» в 1840-х гг. и «Лига мира и свободы» в 1860-х гг. (инициатором их создания, кстати, выступал Дж. Мадзини) – воспринимались в консервативных кругах именно как разрастающийся «международный масонский заговор».

Во Франции конца XIX века, в эпоху так называемой «Третьей Республики», пафос борьбы с «масонским правлением» был наиболее присущ ультраконсервативному движению «Французское действие», носившему, по мнению некоторых исследователей, «предфашистский характер» [50, с. 20.].

Примечательно, что со схожими обличениями масонства как «орудия буржуазии» выступал идеолог французского синдикализма Ж. Сорель – чьи идеи впоследствии также были восприняты борцами за «социальное корпоративное государство». Что касается французских социалистов и прочих «левых» того времени – на уровне своего руководства и партийных активистов они почти все принадлежали к «Великому Востоку Франции».

Можно также отметить, что для консервативно-католической антимасонской публицистики во Франции конца XIX – начала XX вв. характерным был

упор на предполагаемое «еврейско-каббалистическое происхождение масонства» и его «антихристианскую направленность». Основанием данной версии являлись: присущий ложам «Великого Востока Франции» резкий антиклерикализм, отказ от претензий на «истинное христианство» и пропаганда свободомыслия с признанием права на отказ от всякой религии.

Таким образом, складывается концепция «иудео-масонского заговора» против христианских народов Европы и христианской цивилизации как таковой. Стоит отметить, что именно во Франции в 1880-х гг. появились памфлеты «Еврейское кладбище в Праге» и «Разговор между Монтескье и Макиавелли в аду», в которых велась речь о «тайном мировом еврейском правительстве», манипулирующем всеми политическими деятелями и общественными движениями в течение последнего столетия. Указанные сочинения, как полагают некоторые исследователи, легли в основу «Протоколов сионских мудрецов».

По вопросу об аутентичности «Протоколов сионских мудрецов» существуют различные версии. Многие западные исследователи (Н. Кон, У. Лакер У., П.-А. Тагиефф) решительно отрицают подлинность «Протоколов сионских мудрецов». Некоторые отечественные писатели и ученые (Ю.К. Бегунов, С.А. Нилус, О.А. Платонов) однозначно утверждают «подлинность» данных «Протоколов» и рассматривают их как убедительное доказательство мирового «иудео-масонского заговора».

Авторы данной работы по вопросу об аутентичности «Протоколов сионских мудрецов» остаются на той точки зрения, согласно которой не аутентичность «Протоколов» является определяющим показателем в их исторической оценке, а конкретно-исторические факты политического доминирования масонов и сионистов в различные исторические периоды.

Таким образом, версия «масонского заговора» первоначально активно разрабатывалась в европейской политической мысли на протяжении значительного исторического времени, а затем получила свое развитие в России, в русской охранительной, консервативно-политической традиции.

Появление версии «масонского заговора» в России. В России предположения о возможной антигосударственной деятельности со стороны масонов возникают впервые, очевидно, в конце царствования Елизаветы Петровны – в годы Семилетней войны (1756 – 1763). Российское масонство того времени, действительно ориентирующееся на прусское масонство, носило тогда ещё узко аристократический характер, и вместе с тем не предпринимало никаких нежелательных, с точки зрения монархической власти, политических поползновений – потому и не последовало никаких правительственных решений.

Есть сведения о принадлежности императора Петра III к петербургской «Луже Скромности», которая относилась к «прусской ориентации» [51, с. 52]. Членами ложи были, в частности, князь П.М. Голицын, граф Р.И. Воронцов, драматург А.П. Сумароков. Это, возможно, и определило недоброжелательное отношение к масонству Екатерины II. Со времени произведённой императрицей Екатерины II «узурпации престола» она опасалась, что такие высокопоставленные масоны, как граф Н.И. Панин, князь А.Б. Куракин, князь Н.В. Репнин, граф Х.Д. Остервальд, могут оказать нежелательное влияние на цесаревича Павла. Екатерина II опасалась «масонского заговора», направленного не только против цесаревича, но и против её самой.

Опасения эти утихают по мере того, как Екатерина II нейтрализовала придворную оппозицию – «припугнув» одних и «перетянув» на свою сторону других. Отношение её к масонству на протяжении некоторого времени носило относительно спокойный, снисходительно-насмешливый характер – пока внимание императрицы не привлекает растущая общественная активность масонства, а именно разнообразная благотворительность, издательская и прочая просветительная деятельность московских мартинистов новиковского круга.

Соединение в круге «московских мартинистов» аристократов и разночинцев формировало подозрения о политическом заговоре – особенно в связи с начавшейся французской революцией и доходившими до Екатерины II предположениями о «иллюминатском» характере революции во Франции. В «московских

мартинистах» императрице виделось, очевидно, такое же «иллюминатство», как и во французской революции, применительно к российским условиям.

Наконец, дошедшие до Екатерины II сведения о тайных связях «московских мартинистов» с опальным цесаревичем Павлом усилили подозрения императрицы. Встречавшийся с Павлом Петровичем в Гатчине архитектор В.И. Баженов, передавал ему послания от «братьев» и образцы издаваемой в Москве Н.И. Новиковым мистической литературы. Все это затем способствовало, произведённому по указанию Екатерины II московским генерал-губернатором А.А. Прозоровским следствию, затем аресту Н.И. Новикова и заключению его в Шлиссельбургскую крепость.

На Н.И. Новикова возлагалось также обвинение в распространении «богопротивной» литературы – следовательно, в богохульстве. Принимавший участие в допросах московский митрополит Платон не обнаружил в мировоззрении и деятельности Н. И. Новикова какой-либо «ереси» и признал его «добрым христианином» [52, с. 223–224].

Вступивший на престол в 1796 г. император Павел I освободил из заключения Н.И. Новикова (повелев ему, впрочем, проживать в его подмосковной усадьбе Авдотьино и не появляясь без особого разрешения в столицах; не разрешено ему было, соответственно, и возобновление издательской деятельности). По прибытии в Москву на коронацию Павел I вызывает к себе других известных московских масонов и приказывает им впредь не собираться до особого его решения.

Можно предполагать, что Павел I разделял распространившееся в европейских консервативных кругах мнение о «масонском» характере французской революции по причине возобладавшего якобы в европейском масонстве (и неизбежно проникавшего и в российское масонство) «иллюминатства». Потому император не желал, не смотря на былые приятельские отношения с некоторыми масонами, возрождения российского масонства, «усыпившегося» было в конце правления Екатерины II в связи с репрессиями против «московских мартинистов».

Можно, также отметить, что именно в масонстве розенкрейцерского направления Павлом I могла быть воспринята захватившая его идея, согласно которой монарх-самодержец есть первосвященник «по чину Мелхиседекову» [5, с. 148]. Павел I, вдохновленный масонской идеей «первосвящества», очевидно, предполагал провести очередную церковную реформу в России. По всей вероятности, Павлом I предполагалось, возможно, соединение православной и римско-католической церквей – и, соответственно, предварительное сближение в обрядности и удаление догматических расхождений, – причём не под руководством римского папы, а под эгидой самого российского императора как масонского первосвященника «по чину Мелхиседекову».

Малодостоверной представляется версия, что Павел I пал жертвой «масонского заговора» за «измену масонству». Очевидно, что имелась более простая и наглядная причина свершившегося цареубийства: ненависть к Павлу I «екатеринских орлов», чьё благополучие было им поколеблено. Иное дело, что косвенно к убийству Павла I причастны были английские политики, не желавшие упрочения намечавшегося уже франко-русского союза, угрожавшего Англии, – то есть можно говорить об опосредованной причастности к цареубийству 11 марта 1801 г. английского масонства.

Российское масонство вполне возрождается со вступлением на престол Александра I, ставшего для масонов, согласно их определению, «Александром Благословенным». Александр I с первых же лет своего царствования не лишён был подозрений относительно возможного «масонского заговора» и старался наладить негласный надзор за масонскими ложами. До сведения масонов доводилось по распоряжению императора, что обсуждение в ложах спорных политических вопросов и проектов может быть расценено как «крамола».

Опасения относительно «масонского заговора» возрастают в консервативных кругах к концу 1800-х гг. в связи с активной деятельностью М.М. Сперанского. М.М. Сперанским совместно с министром полиции А.Д. Балашовым был предложен Александру I проект подчинения всех российских масонских лож

тщательному правительственному контролю и регламентации в целях последующего использования масонства в качестве проправительственной «партии реформ».

М.М. Сперанский в 1810 г. был «посвящён» в петербургскую ложу «Полярная Звезда», возглавляемую профессором Александро-Невской Духовной Академии И.А. Фесслером. Членами ложи «Полярная Звезда», в частности, были М.Л. Магницкий, А.И. Тургенев, С.С. Уваров – через них Александр I намеревался изучить и подчинить единому, желаемому для него направлению остальное российское масонство. Профессор И.А. Фесслер, в свою очередь, вынашивал проект реформирования Русской православной церкви в либерально-протестантском духе – в чём предположительно поддерживался М.М. Сперанским.

По утверждению современного исследователя, «при поддержке императора М.М. Сперанский действительно пытался преобразовать нашу православную Церковь на масонский лад, и первым шагом в этом направлении должно было стать широкое привлечение православных священников в масонские ложи... Александр I даже обещал М.М. Сперанскому поставить «Полярную Звезду» во главе всех других масонских лож в России» [26, с. 234–235].

Учитывая мистические увлечения Александра I, такого рода проект действительно мог быть им поддержан. Привлекательна для императора была также идея «огосударствления» масонства в России – в целях превращения его из потенциальной оппозиции в опору престола. Именно в целях предстоящего «огосударствления» масонства в августе 1810 г. учреждена была «Особая комиссия» в составе М.М. Сперанского, министра полиции А.Д. Балашова, также бывшего членом масонской ложи «Соединённые Друзья» и ряда других лиц.

Руководителям всех масонских лож России предписано было представить в «Особую комиссию» на просмотр акты, на основе которых осуществлялась их «работа». Требование это было достаточно «болезненно» воспринято старыми «мартинистами», настрадавшимися ещё в конце царствования Екатерины II. Так,

А.Ф. Лабзин, – один из ветеранов российского масонства, возглавлявший петербургскую ложу «Умиравший Сфинкс», – объявил об «усыплении» своей ложи и на просмотр в комиссию ничего не представил. В итоге более чем годичной работы «комиссией А.Д. Балашова – М.М. Сперанского» было сформулировано решение о преобразовании российского масонства по «шведской системе».

Следует отметить, что шведское масонство на протяжении многих лет возглавлялось герцогом Зюдерманландским, в конце концов, занявшим шведский королевский престол под именем Карла-Густава. Ведущей масонской ложей «шведской системы» в России являлась петербургская ложа «Владимира к порядку», гроссмейстером которой был И.В. Бебер. Соответственно именно И.В. Беберу было предложено координировать деятельность всех российских лож «шведской системы» и регулярно представлять в министерство полиции все сведения о личном составе лож и их «работах». Другим масонским ложам, не принадлежавшим к «шведской системе», предложено было присоединиться к «шведской системе», и войти в подчинение к И.В. Беберу – или вовсе прекратить свою деятельность.

Казалось бы, в результате усилий М.М. Сперанского масонские ложи в России были вполне легализованы и поставлены под контроль правительства – что должно было развеять все подозрения относительно «масонского заговора». Но именно рост влияния М.М. Сперанского, а также распространявшиеся в обществе слухи о его тайных связях с Наполеоном I, о намерении М.М. Сперанского реформировать на протестантский лад православную Церковь и о дальнейших «покушениях на устои» придавали ему самому имидж главного «заговорщика».

Если предположить, что в объединённом и подконтрольном масонстве М.М. Сперанский видел свою защиту и опору, то следует отметить, что уверенность его оказалась обманчива. Характерно, что именно в это время среди значительной части русского дворянства, недовольного нововведениями «поповича» (нарицательное имя М.М. Сперанского), усиливаются антимасонские настроения, связанные с подъёмом национально-патриотических чувств в обстановке растущей наполеоновской угрозы.

В качестве антимасонского публицистического выступления можно отметить «Записку о мартинистах» Ф.П. Ростопчина (1811 г.) со следующими замечаниями: «Они скрывают свои замыслы под покровом религии, любви к ближнему... Они отлично едят и пьют, преданы роскоши и сладострастию. А между тем постоянно разглагольствуют о целомудрии, воздержании и молитве. Через это обретают они легковверных последователей с деньгами» [26, с. 266].

Масонство, таким образом, обличалось, прежде всего, за несоответствие декларируемым масонами же религиозно-нравственным идеалам – за дискредитацию таковых, – как праздное и вредное времяпровождение. Антимасонские разоблачения Ф.П. Ростопчина схожи с аналогичными антимасонскими сочинениями Екатерины II. Императрица и генерал-губернатор высказывали подозрения относительно тайных связей российских масонов с их собратьями по масонству в наполеоновском лагере.

В итоге, как известно, М.М. Сперанский подвергся опале и был снят с занимаемых должностей, удалён от престола и выслан из столицы в марте 1812 г. «Столичная знать», составлявшая костяк объединённого его трудами масонства, не оказала ему ожидаемой поддержки.

Примечательно, что с обличениями в адрес М.М. Сперанского выступили и российские масоны старшего поколения – А.Ф. Лабзин, О.А. Поздеев и другие, – ревнители масонской традиции, обвинившие М.М. Сперанского в «иллюминатстве», то есть в недопустимых для «истинного масонства» прогрессе и политических интригах.

Дальнейшее развитие российского масонства и, соответственно, распространение сведений о «масонском заговоре» в значительной мере связаны с общим осложнением международной обстановки. С одной стороны, в эпоху Отечественной войны 1812 года и последующих заграничных походов русской армии офицеры, бывшие членами различных масонских лож, проявили себя как истинные патриоты России – тем вроде бы опровергая предположения об антинациональном, космополитическом характере российского масонства.

Во время пребывания победоносных русских войск в Европе образуются новые, так называемые «походные» масонские ложи: «Святой Георгий», «Избранный Михаил» и др. Также создаются парамасонские, схожие с масонскими ложами по типу своего построения, офицерские организации – такие, как: «Священная артель» и «Орден русских рыцарей», провозглашавшие основными целями поддержание в русском офицерстве духа боевого товарищества и истинно-рыцарских добродетелей.

С другой стороны, окончательное крушение власти Наполеона I, реставрация династии Бурбонов во Франции и феодально-монархических режимов в Европе, учреждение «Священного Союза» (саму идею которого, кстати, тоже можно рассматривать как своеобразное преломление масонской идеи – союз всех христианских монархов для утверждения истинно-христианских начал в международной политике) способствуют усилению в господствующих политических кругах консервативных настроений – и, соответственно, неприятия всякого «иллюминатства» и сколько-нибудь подозрительных тайных обществ.

На эти же годы приходится расцвет (хотя бы на региональном уровне – в связи с национально-политическими проблемами отдельных европейских стран и народов) парамасонских тайных организаций – типа упоминавшихся уже карбонариев и этеристов. Ультраконсервативные круги «Священного Союза» расценивали их деятельность как признаки назревающего нового международного заговора.

Российское масонство послевоенных лет, вопреки всем прежним попыткам «огосударствления» его, остаётся достаточно раздробленным и не вполне подконтрольным как властям, так и собственным руководящим структурам. Так, возглавлявшийся вышеупомянутым И.В. Бебером «Капитул Феникса», представлявший собой тайный руководящий орган всех российских лож «шведской системы», не в состоянии был контролировать ряд влиятельных лож, в частности, сформировавшуюся летом 1815 г. ложу «Астрея». В деятельности ложи

«Астрея» и других лож, следовавших её примеру, вновь проявились «иллюминантские тенденции», т.е. активно-просветительские и филантропические уклоны в политику.

Видную роль в ложе «Астрея» играл Ф.Н. Глинка, занимавший в то время едва ли не центральное положение в литературно-общественной жизни Петербурга. Ф.Н. Глинка был председателем «Вольного общества любителей российской словесности» и редактором журнала «Соревнователь просвещения и благотворительности» и при этом занимал ещё должность начальника канцелярии петербургского генерал-губернатора графа М.А. Милорадовича.

Что касается вопроса о взаимосвязи российского масонства тех лет и будущих декабристов, необходимо, прежде всего, отметить, что определяющим здесь явился опыт «походных» военных лож и парамасонских объединений (соответственно, и ознакомление с аналогичным европейским масонским опытом). Примечательно, что и до Отечественной войны 1812 года некоторые из будущих декабристов имели опыт (и нередко наследственный) участия в масонских ложах.

Как отмечает проф. В.П. Брачев, «настоящим инкубатором и рассадником будущих декабристов была, несомненно, масонская ложа «Трёх добродетелей», учреждённая в 1815 году князем С.Г. Волконским, П.П. Лопухиным и М.Ю. Вильгорским... из членов масонской ложи «Трёх добродетелей» и вышла первая декабристская организация «Союз спасения» [26, с. 284 – 285]. Согласно В.П. Брачеву, не менее половины привлечённых к следствию «по делу 14 декабря» имели опыт участия в масонских ложах.

Итак, складывающийся в первой половине 1820-х гг. в России политический заговор можно рассматривать как развитие парамасонского по своему характеру политического подполья, учитывая, что для «классического» масонства политико-заговорщические формы деятельности были недопустимы. Стоит также отметить, что восходившее к минувшему веку «классическое» масонство в России в ту пору пребывало в кризисе и убывало естественным образом.

Из тайных организаций конца 1810-х – начала 1820-х гг. наиболее близким к масонству был «Союз Благоденствия», замышлявшийся его учредителями,

например, Ф.Н. Глинкой как объединение «просвещённых умов» для содействия всеобщему «исправлению нравов». Политические радикалы поначалу составляли в «Союзе Благоденствия» меньшинство и не определяли его общественной линии. Преобладали в «Союзе Благоденствия» просветители и филантропы, деятельность которых, с точки зрения ультраконсерваторов, представляла собой «иллюминатство».

Идея объединения всех российских масонских лож при строгом правительственном контроле над их деятельностью возобновляется в начале 1820-х гг. Пропагандируется данная идея гроссмейстером Великой ложи «Астрея» Е.А. Кушелёвым. Тем временем полицейские меры по надзору за деятельностью масонских лож действительно усиливаются. Так с 1818 г. руководителям масонских лож, как и прочих «вольных обществ», предписывается «предварительно уведомлять» местную администрацию о месте и времени своих собраний.

Подозрительность самого Александра I в отношении масонства растёт в связи с активизацией в европейских странах парамасонских по форме деятельности общественных объединений, преследующих зачастую радикальные политические цели. При этом относительно российских радикалов, получая сведения о существующих оппозиционных кружках, император не проявлял особого беспокойства.

Считается, что основной причиной императорского рескрипта о запрете на деятельность в России масонских лож и прочих тайных обществ, изданного 1 августа 1822 г., послужило начавшееся за два месяца до того постоянное общение Александра I, повернувшего от прежних своих мистических мечтаний к православной традиции, с архимандритом Фотием, ставшим его духовным наставником. Именно архимандрит Фотий сразу же настойчиво убеждает императора, что масонство и прочая внецерковная мистика «богопротивны» и способствуют лишь «растлению душ» и должны быть «нещадно гонимы». Взгляды архимандрита Фотия относительно духовной и политической опасности масонства нашли свое воплощение в его антимасонских сочинениях [2].

Следует отметить также прозвучавшее незадолго до того на Веронском конгрессе «Священного Союза» заявление видного прусского государственного деятеля графа Х.А. Гаугвица, где прямо говорилось, что современное евро-пейское масонство носит сплошь «иллюминатский» и, в сущности, революционный характер и основной своей целью имеет подчинение своей воле законных правителей и свержение неподдающихся – с прицелом на установление в будущем «всемирного масонского правления». Столь откровенно заявленная резко негативная позиция по масонству со стороны европейских партнёров по «Священному Союзу» была принята Александром I как руководство к действию.

Правительственный запрет на деятельность масонских лож в России повлёк за собой «усыпление» большинства лож. Некоторые ложи впрочем, продолжали ещё свои «работы», т.е. привычные «закрытые собрания».

В начале царствования Николая I правительственный запрет на деятельность масонских лож в России был подтверждён. Установилась традиция «брать подписку» с поступающих на государственную службу и на обучение в высшие учебные заведения, о непринадлежности к масонству и каким-либо ещё тайным обществам и о невступлении в таковые в будущем.

В ходе следствия по «делу 14 декабря» было привлечено к дознанию значительное количество бывших масонов, к выступлению на Сенатской площади и другим акциям неповиновения не причастных – но имевших масонские связи с непосредственно обвиняемыми в политических преступлениях. Связано это было, разумеется, с желанием нового императора прояснить себе масштабы заговора и все скрытые нити его.

Любопытную информацию предоставил в ходе следствия Ф.Н. Глинка, который отвергал идею насильственного политического переворота. По его утверждению, Григорий Перетц, сын петербургского ростовщика и агент лорда Ротшильда в России, при знакомстве с ним представился участником тайного общества «Херут», что на иврите означает «Свобода», которое стремилось к восстановлению еврейского государства в Палестине.

Григорий Перетц, со слов Ф.Н. Глинка, обещал от имени лорда Ротшильда финансовое обеспечение предстоящего политического переворота в России – с тем, чтобы будущее российское правительство поспособствовало, в свою очередь, освобождению Палестины, находившейся в то время в составе Османской империи, а также способствовало бы переселению в Палестину российских евреев.

Ф.Н. Глинка воспринял это предложение как провокацию и прервал дальнейшее общение с Г. Перетцом, последний, также, будучи привлечён к следствию «по делу 14 декабря», высказал на допросе, что Ф.Н. Глинка был вовлечён им в общество «Херут» и обещал во всём содействовать планам лорда Ротшильда по «еврейскому вопросу». Других причастных к данному тайному обществу в России выявлено не было. Ф.Н. Глинка, после личной беседы с ним Николая I, был признан виновным лишь «в недонесении» и сослан в Олонецкую губернию [52, с. 487].

Есть основания полагать, что после вышеупомянутых правительственных запретов отдельные масонские ложи в России, носившие преимущественно консервативно- аристократический характер, продолжали действовать на протяжении всего николаевского царствования. Можно предположить также, что возглавивший Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии и отдельный корпус жандармов А.Х. Бенкендорф – сам бывший масон – бывших «братьев» держал под контролем, но не трогал без особой необходимости.

Что касается попыток создания новых тайных обществ парамасонского характера, таких, как «Славянское общество святых Кирилла и Мефодия» в Киеве, или созданное в Петербурге зимой 1848 – 1849 гг. Н.И. Спешневым, тайное антиправительственное общество, в которое были вовлечены некоторые «завсегдашние пятниц» М.В. Буташевича-Петрашевского – таковые, как правило, быстро раскрывались и ликвидировались с последующими репрессиями участников.

На протяжении всего своего царствования Николай I не исключал угрозы возобновления в России радикальной политической оппозиции в форме тайных

обществ парамасонского характера – для выявления и пресечения чего и предназначалось «Третье отделение». Основания для таких подозрений давали политические события в Европе и скрытая их подоплека, например, значительная роль французского политического масонства в осуществлении июньской революции 1830 г. и последующая поддержка французскими радикалами польских сепаратистов.

Именно в масонских кругах Франции и других европейских стран (при всех различиях масонских «систем» и их идейно-политической направленности) в 1830–1840-х гг. вызревал, идеологически обосновывался и лоббировался уже на правительственном уровне политический курс на всяческое содействие ослаблению и расчленению Российской империи, включая нагнетание русофобии в общественном сознании.

С откровенными проявлениями русофобской политики Европейских стран России предстояло столкнуться уже в конце 1840-х – 1850-х гг. Российское правительство получало сведения о «заговорщической политике» западных держав, но в целом правительство недооценивало степень реальной угрозы.

Николаем I международная «масонская угроза» России виделась, прежде всего, в деятельности польского политического масонства – тайных обществ польских националистов, стремившихся к восстановлению независимого Польского государства и поддерживаемых из-за рубежа враждебными России силами. Подавление польского восстания 1830–1831 гг., ликвидация автономии Царства Польского в составе Российской империи и последующее жёсткое подавление польского сопротивления графом И.Ф. Паскевичем в значительной мере сняли остроту проблемы.

«Проискам европейских иллюминатов» Николай I намеревался противостоять, укрепляя полицейский порядок в стране и направляя должным образом – в «истинно-патриотическом» духе – «просвещение умов». Недооценка же внешнего противника проявилась в том, что, полагаясь на принципы легитимизма, Николай I не учитывал в полной мере всего разнообразия «масонского заговора против России». Под определением «масонский заговор против России» следует,

по нашему мнению, подразумевать сходство антироссийских устремлений различных политических сил в Европе, использующих масонские формы тайного взаимодействия.

Во второй половине XIX в. имело место участие в европейских, преимущественно французских и итальянских масонских ложах, некоторых русских политических эмигрантов – в частности, таких, как М.А. Бакунин, Н.П. Огарёв, Г.Н. Вырубов. Причём если масонская деятельность первых двух не шла дальше «пустопорожного вращения» в радикальных кружках, то Г.Н. Вырубов – известный философ-позитивист, обосновавшийся с юных лет во Франции, – под конец жизни становится вице-председателем Верховного Совета «Великого Востока Франции». Г. Н. Вырубов, таким образом, играл весьма значительную роль во французском масонстве и, соответственно, в политической жизни Франции и в немалой степени определял характер поддержки французским масонством российского «освободительного движения».

Что касается различных оппозиционных течений в России второй половины XIX в., то прежние масонские, или парамасонские формы деятельности были, казалось, утрачены и забыты. Характерно и то, что, обличая «нигилистов», большинство консервативных публицистов тех лет не вспоминали уже об «иллюминатстве» и «масонском заговоре». Некоторые публицисты иногда отмечали получаемую российскими «ниспровергателями» поддержку извне – от заинтересованных в ослаблении России западных политиков и финансистов.

Вновь о «масонском заговоре» против России стала писать русская национально-консервативная печать в обстановке российского политического кризиса 1905 – 1907 гг. и в связи с возрождением в России политического масонства.

Возрождению политического масонства в России предшествовало появление мистических кружков парамасонского характера. Например, таких как, учреждённый ещё в конце 1890-х гг. бывшим российским военным атташе во Франции графом В.В. Муравьёвым-Амурским «Орден русских мартинистов». Во Франции В.В. Муравьёв-Амурский сблизился со знаменитым писателем-мистиком Энкосом Жераром, известным под псевдонимом Папюс, и был вовлечён в

руководимый им «Орден мартинистов», который представлял собой парамасонское объединение, не принадлежавшее к «регулярному» масонству.

Вернувшись в Россию в качестве «Генерального Делегата» французского «Ордена мартинистов» В.В. Муравьев-Амурский организует в Петербурге ложу «Крест и Звезда», куда вовлекаются мистически настроенные представители столичной знати, включая и некоторых великих князей, и которая разрастается несколько лет спустя в «Орден русских мартинистов».

Собственно же возрождение российского политического масонства началось в эмиграции – с образованием в 1887 г. в рамках «Великого Востока Франции» ложи «Космос», предназначавшейся специально для русских эмигрантов. В неё вошли состоявшие ранее в различных французских ложах изобретатель П.Н. Яблочков, правоведа М.М. Ковалевский, Н.А. Котляревский и Е.В. де-Роберти, а также писатели А.В. Амфитеатров, П.Д. Боборыкин и Вас. И. Немирович-Данченко.

Впоследствии в рамках другого, более консервативного в своей приверженности масонской традиции, – «Великой Ложи Франции», – возникла также, рассчитанная на русских эмигрантов, ложа «Гора Синай». В скором времени именно социолог М.М. Ковалевский начинает играть ведущую роль в возрождавшемся русском масонстве – выступая также в качестве посредника между леволиберальным крылом российского «освободительного движения» и французскими «друзьями русской свободы».

В 1901 г. при содействии французских «братьев» и под опекой ложи «Космос» в Париже была открыта возглавляемая М.М. Ковалевским так называемая «Русская Высшая школа общественных наук» – своего рода «свободный университет» и вместе с тем межпартийный клуб российских эмигрантов. Известно, что в 1903–1904 гг. «Русскую Высшую школу общественных наук» посещало свыше четырехсот слушателей.

При содействии французских «братьев» в конце октября – начале ноября 1904 г. в Париже была проведена объединённая конференция российских революционных и оппозиционных партий, где прозвучали предложения соединить

усилия разных политических групп в антиправительственной борьбе – за политические свободы и созыв Учредительного Собрания.

Не стоит предполагать, что ложа «Космос» и стоявшие за ней французские «старшие братья» держали под контролем и направляли всю российскую оппозицию. Несомненно, однако, что та же ложа «Космос» претендовала на роль межпартийного координирующего центра российского «освободительного движения».

В 1905 г. в России в качестве руководящих структур антиправительственного движения выступали такие открытые и достаточно аморфные объединения, как «Союз союзов» – и, соответственно, примыкавшие к нему революционные политические партии. На крайне левом фланге действовали террористические организации эсеров, анархистов, польских и финских националистов.

Сформировавшееся в эмиграции российское масонство, оторванное от массовых антиправительственных движений в России, включается во внутривнутриполитическую жизнь с некоторым замедлением. Связано это было с возвращением в Россию после длительного проживания в Европе М.М. Ковалевского, делегированного «Великим Востоком Франции» на открытие в России масонских лож – «дочерних», соответственно, по отношению к «Великому Востоку Франции». В ноябре 1906 г. в Москве состоялось открытие первой в XX в. российской масонской ложи «Возрождение». Председателем её стал профессор психиатрии Н.Н. Баженов, секретарём – театральным деятелем В.И. Немирович-Данченко.

В декабре 1906 г. состоялось учреждение в Петербурге ложи «Полярная Звезда». Председатель этой ложи – граф А.А. Орлов-Давыдов, секретарь – князь Д.О. Бебутов. Вскоре же масонские ложи «Великого Востока Франции» открываются также в Варшаве, Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе, Саратове, Нижнем Новгороде и ряде других российских городов. По сути это были закрытые, с ограниченным доступом клубы либеральной интеллигенции, призванные способствовать межпартийному объединению сил «освободительного движения».

Видными деятелями возрождавшегося российского политического масонства, помимо упомянутых, являлись в эту пору В.А. Маклаков, Э.С. Маргулиес, И.И. Петрункевич, А.С. Трачевский, князь С.Д. Урусов.

В 1908 г. в Петербурге состоялся масонский «Конвент» – съезд представителей всех российских лож «Великого Востока Франции» и учреждён был «Верховный Совет народов России» – руководящий орган российского масонства. Первым секретарём «Верховного Совета» был избран князь С.Д. Урусов. «Великий Восток Франции» предоставил российским «братьям» право учреждать новые ложи самостоятельно – без предварительного согласования с французским руководством. Тем не менее, деятельность российского масонства остаётся подконтрольна французским «старшим братьям». К этому времени, собственно, и относится появление в русской монархической печати обличений «масонского заговора» против российской государственности.

Многочисленные антимаасонские статьи на страницах «Русского Знамени», «Земщины», «Колокола» и других «черносотенных» периодических изданий носили преимущественно обличительный характер. Образцами русской антимаасонской публицистики часто являлись антимаасонские памфлеты консервативных католических авторов, публиковавшиеся ранее во Франции, Испании, Италии. Масонство в правомонархических изданиях трактовалось однозначно как орудие «еврейской плутократии», стремящейся к мировому господству и разрушению Российской империи.

Появляются в эти годы и отдельные книги по масонской проблематике, принадлежавшие авторам национально-консервативного направления. К таковым могут быть отнесены «Франк-масонство и государственная измена» М.А. Бутми (СПб., 1908), «Тайная сила масонства» А. Селянинова (СПб., 1911), «Современное масонство» А.А. Бронзова (СПб., 1912).

Перечисленные работы посвящены были в большей степени современному европейскому политическому масонству, которое трактовалось как «тайное международное правительство», служащее интересам финансовой олигархии – целе-

направленно подрывавшее консервативно-монархические режимы и перечёркивающее принцип национального суверенитета и нормы международного права. Возрождающееся российское масонство в черносотенных изданиях рассматривалось именно как «агентура» международного масонства.

Конкретный характер деятельности российских масонских лож обличители масонства представляли себе достаточно смутно – как, впрочем, и охранные отделения Департамента полиции Министерства внутренних дел, призванные выявлять враждебные власти тайные общества. Достаточно сказать, что в течении одиннадцати лет – с 1906 г. по начало 1917 г. – ни одного человека в России не было арестовано за принадлежность к масонской ложе, запрет на деятельность которых в России, введённый Александром I в 1822 г., всё ещё оставался в силе.

Своеобразной «дымовой завесой», привлекавшей наибольший интерес любопытствующей публики, и отвлекавшей надзирающих по служебному долгу, являлись парамасонские объединения типа упомянутого «Ордена русских мартинистов», который, по всей вероятности, был создан в качестве прикрытия других более законспирированных организаций.

К наиболее интересным монографиям, посвящённым проблеме «масонского заговора», можно отнести историческое исследование графини С.Д. Толь «Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов» (М., 1914). Подчёркивая масонское происхождение тайных обществ будущих декабристов и парамасонский характер их деятельности, исследовательница делала вывод, что само по себе выступление на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. представляло собой именно масонское ритуальное действо – коллективное самопожертвование в честь будущего «восстановления Храма».

Графиня С.Д. Толь обратила внимание на то, что среди членов и сотрудников Верховного уголовного суда, осуществившего осуждение декабристов, было немало бывших масонов, таких как: М.М. Сперанский, А.Х. Бенкендорф, Н.С. Мордвинов и др. Все это, по мнению графини С.Д. Толь, означало принесение «старшими братьями» в жертву «младших» для сокрытия «масонской тайны».

Известно, что на книгу графини С.Д. Толь незамедлительно отреагировал разгромной рецензией в журнале «Голос минувшего» (1914, №7) В.И. Семевский, выступавший как апологет декабристов и всякого прочего «освобожденчества». Графиню С.Д. Толь и подобных ей обличителей масонства он обвинял в «масонофобии» и предлагал рассматривать как «психически больных» – не опускаясь до полемики с таковыми. Позиция В.И. Семевского была характерна и для других либеральных апологетов масонства.

Примечательно, что в связи с появившимися в печати разоблачениями, усилившими внимание «охранки» к деятельности масонских лож, и общим «возрастанием шума» вокруг масонской темы российские ложи, принадлежавшие к «Великому Востоку Франции», в конце 1908 г. «усыплются». Это означало не самоликвидацию, а более тщательное «конспирирование» и «отсев» ненадёжных «учеников» и «подмастерий».

С начала 1910-х гг. деятельность российского масонства возобновляется, принимая более самостоятельный характер. Летом 1912 г. в Москве состоялся очередной «Конвент» российского масонства, где провозглашается «освобождение» российских лож «Великого Востока Франции» от французского руководства. Учреждается «Великий Восток народов России». Некоторые ложи отказались подчиниться решениям Конвента и сохранили прежние, «дочерние» отношения с «Великим Востоком Франции» или переориентировались на другое, более консервативное в плане своей приверженности масонской традиции объединение французского масонства – «Великую Ложу Франции».

Новым секретарём Верховного Совета избирается А.М. Колюбакин (левый кадет – депутат VI Государственной Думы). На следующем «Конвенте» – год спустя – принимается составленный С.Д. Масловским, членом петербургской ложи «Малая Медведица», «Устав Великого Востока народов России». Целью организации провозглашается «создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена... утверждение и защита прав человека и гражданина...», подчёркивается обязанность «...хранить в тайне, как само существование ордена, так и всё, что касается его состава, планов и деятельности»

[53, с. 119]. Высшей властью «Великого Востока народов России» объявлялся ежегодно собираемый «Конвент». Соответственно, исполнительной властью наделялся руководящий ложами «Верховный Совет», переизбираемый очередным «Конвентом».

В 1914 г. в России действовало свыше 30 масонских лож, не считая парамасонских объединений типа «Ордена русских мартинистов», который не признавался «регулярным» масонством. В них состояло около 400 «братьев» в основном лица «свободных профессий» – юристы, врачи, литераторы, преподаватели высших учебных заведений; по партийной принадлежности – преимущественно кадеты, а также прогрессисты, народные социалисты, социалисты-революционеры, меньшевики и участники национально-демократических партий.

В начале 1914 г. С.Д. Масловским, служившим в библиотеке Академии Генерального Штаба, была организована тщательно законспирированная «Военная Ложа», куда ещё до начала Первой Мировой войны были вовлечены генерал А.А. Свечин, полковник В.В. Теплов и некоторые другие офицеры.

Основной своей целью «Великий Восток народов России» преследовал подготовку и осуществление «благотворных перемен» в России, под которыми подразумевалось установление конституционно-парламентского строя и проведение дальнейших либеральных реформ.

С началом Первой Мировой войны, и особенно после неудач русской армии на Западном фронте летом-осенью 1915 г., и в связи с обострением внутривосточного кризиса, задачи «объединённой оппозиции» конкретизируются. Предполагается произвести государственный переворот с целью свержения Николая II и возведения на престол юного цесаревича Алексея при регентстве кого-либо из великих князей, а затем сформировать «своё правительство», т.е. «масонское».

В декабре 1916 г. в Петрограде состоялся последний «Конвент» российского масонства, где предположительно были намечены сроки «переворота» и определены «подготовительные меры». К этому времени «Верховным Советом народов России» был создан так называемый «Комитет национального спасения», т. е. своего рода тайный кабинет думской оппозиции, куда вошли:

А.И. Гучков, А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, В.В. Некрасов, М.И. Терещенко (будущие члены Временного правительства).

Таким образом, масонский заговор против российского самодержавия был очевиден. Однако события уже первых месяцев 1917 г. показали, что масонство далеко не так всемерно, как представлялось самим масонам-заговорщикам и их противникам. Инициатива в революционном движении в России была перехвачена левыми партиями (большевиками, меньшевиками, эсерами и др.) и масонство постепенно перестало играть определяющую роль в политической истории российского государства.

В историческом аспекте «масонский заговор» в России представлял собою высшую форму русофобии и организации антирусских сил. Масонство стремилось к объединению всех антирусских и антигосударственных партий. По сути, в России в результате «масонского заговора» было создано либерально-масонское подполье, то есть тайная антиправительственная организация, которая под оболочкой политического либерализма и культурно-просветительской деятельности преследовала цели политического переворота и устранения самодержавия.

Степень воздействия масонов-заговорщиков на дестабилизацию внутриполитического положения России в 1917 г. и шире роль международного масонства в «разжигании мировой войны» и российской революции впоследствии стало основной темой для исследователей масонства и остается актуальной и для нашего времени.

В целом появление «масонского заговора» в России было очевидно для русского правящего сословия. Однако государственную политику по преодолению масонского заговора необходимо оценивать как паллиативную. Русскому самодержавию не удалось искоренить масонство или взять его под государственный контроль, что в дальнейшем привело к нарастанию революционных процессов.

Список литературы

1. Платонов О.А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ. – М.: Алгоритм, 2011. – 1344 с.

2. Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 400 с.
3. Бутми Н.А. Каббала, ереси, тайные общества. – СПб.: Тип.т-ва А.С. Суворина, 1914. – 284 с.
4. Лютостанский И.И. Талмуд и евреи. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2009. – Т. 1. – 736 с.; Т. 2. – 704 с.
5. Мельгунов С.П. Массонство в его прошлом и настоящем. В двух томах / С.П. Мельгунов, Н.П. Сидоров. – М.: Задруги, 1914–1915. – Т. 1. – 255 с.; Т. 2. – 267 с.
6. Нилус С.А. Близ есть, при дверях. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 576 с.
7. Селянинов А. Ф. Тайная сила масонства. – СПб., 1911.
8. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. – М.: Москва, 2000. – 592 с.
9. Шмаков А.С. Международное тайное правительство. – М.: Алгоритм, 2011. – 944 с.
10. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. – Издание 3-е. – СПб.: 2001. – 570 с.
11. Семека А.В. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства. – СПб: Сенатская тип., 1902. – 60 с.
12. Соколовская Т.О. Тайные архивы русских масонов / Т.О. Соколовская, Д.Д. Лотарева. – М.: Вече, 2007. – 480 с.
13. Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. – М.: Ленанд, 2015. – 232 с.
14. Пыпин А.Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX вв. – М.: Огни, 1916. – 584 с.
15. Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. – М.: Интербук, 1991. – 142 с.
16. Башилов Б.А. История русского масонства. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. – 640 с.

17. Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 400 с.
18. Бостунич Г.В. Массонство в своей сущности и проявлениях. – Челябинск, 2015. – 336 с.
19. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. – М.: Фонд ИВ, 2008. – 536 с.
20. Марков Н. Е. Войны темных сил. В 2-х книгах. – Париж. Изд-во князя М.К. Горчакова. Долой зло. 1928. – 175, 192 с.
21. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж. Книжное дело. / Родник. – 1931. – 236 с.
22. Череп-Спиридович А.И. Скрытая рука. – М.: Самотека, 2006. – 160 с.
23. Аврех А.Я. Масоны и революция. – М., Политиздат, 1990. – 352 с.
24. Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв.: критика мифологизации истории: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2000. – 528 с.
25. Бегунов Ю.К. Тайные силы в истории России. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 944 с.
26. Брачев В.С. Масоны и власть в России. – М.: Эксмо, 2003. – 640 с.
27. Карпачев С.П. Тайны масонских орденов. Ритуалы вольных каменщиков. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
28. Острецов В.М. Масонство, культура и русская история: Историко-критические очерки. – М.: Штрихтон, 1998. – 720 с.
29. Платонов О.А. Православие против масонства. – М.: Кислород, 2016. – 368 с.
30. Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. – М.: Жираф, 2000. – 2016 с.
31. Серков А.И. История русского масонства XX века. В 3 т. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. – Т. 1. – 264 с.; Т. 2. – 472 с.; Т. 3. – 544 с.
32. Соловьев О.Ф. Русские масоны. – М.: Яуза-Пресс, 2007. – 544 с.

33. Старцев В.И. Тайны русских масонов: Сборник / Ред. Б.Д. Гальперина; состав. Б.П. Миловидов. – СПб.: Дарк, 2004. – 320 с.
34. Тертый В. Сионизм и масонство: пятикнижие. – М.: Самотека, 2014. – 793 с.
35. Тертый В. Сионизм и масонство: фабрика лжи. – М.: Самотека, 2015. – 481 с.
36. Кузьмишин Е.Л. Масонство. – М.: Ганга, 2016. – 496 с.
37. Гизе А. Вольные каменщики. – М.: Изд-во Жигульского, 2006. – 128 с.
38. Рыбалка А. Кто правит современным миром или Мифы о масонстве. – Ростов н/Д: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2010. – 405 с.
39. Иан ванн Хельзинг. Тайные общества и их могущество в XX веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxima-library.org/izbrannoe/b/340739/readhtml> (дата обращения: 15.12.2016).
40. Кон Н. Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». – М.: Прогресс, 1990. – 247 с.
41. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. – М.: Текст, 1994. – 431 с.
42. Неста Х. Вебстер. Всемирная революция. Заговор против цивилизации. – Киев: Серж, 2001. – 290 с.
43. Рид. Д. Спор о Сионе. 2500 лет еврейского вопроса. – М.: Концептуал, 2014. – 864 с.
44. Рогалла фон Биберштайн Й. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010. – 400 с.
45. Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. – М.: Русская идея, 2005. – 400 с.
46. Тагиефф П.-А. Протоколы сионских мудрецов. Фальшифка и ее использование. – М.: Мосты культуры. Гешарим, 2011. – 584 с.
47. Эпперсон Р. Невидимая рука. – СПб.: Принт Модерн, 1996. – 256 с.

48. Козенков Ю. Голгофа России. Завоеватели. – М.: Фонд национальных перспектив, 2001. – 488 с.

49. Отеро, Мартинес Луне Мигель. Иллюминаты. Ловушка и заговор. – СПб.: Евразия, 2008. – 221 с.

50. Наумов А.О. Фашистский Интернационал. Покорение Европы. – М.: Вече, 2005. – 446 с.

51. За кулисами видимой власти. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 174 с.

52. Герои 1812 года. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 608 с.

53. Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. – СПб.: Д. А. Р. К., 2004. – 320 с.

Ермаков Вячеслав Алексеевич – канд. филос. наук, доцент ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Россия, Москва.

Ermakov Vyacheslav Alekseevich – candidate of philosophical sciences, associate professor FSBEI of HE “G.V. Plekhanov Russian University of Economics”, Russia, Moscow.

Андросов Андрей Анатольевич – канд. ист. наук, доцент АНО ПО «Колледж экономики, страхового дела и информационных технологий КЭСИ», Россия, Москва.

Androsov Andrey Anatolievich – candidate of historical sciences, associate professor ANO of PE “College of Economics, Insurance and Information technology”, Russia, Moscow.
